

Смерть

Было весьма вероятно, что болезнь постепенно сделает Бродского не способным к работе инвалидом и что он умрет на больничной койке или операционном столе. Но «приходит смерть к нему, как тать, / И жизнь внезапно похищает» (Державин). Вечером в субботу 27 января 1996 года он набил свой издававший виды портфель рукописями и книгами,

579 В 1977 г. в Энн-Арборе я пересказывал Бродскому сведения по истории русского языка, в частности, гипотезу о том, что звук *ы* в русском произношении есть результат тюркского влияния. Скорее всего, Бродский также читал у Батюшкова о русском языке: «И язык-то сам по себе плоховат, грубенек, пахнет татарщиной. Что за Ы? Что за Щ? Что за Ш, ШИИ, ЩИЙ, ПРИ, ТРЫ?» (Из письма Н. И. Гнедичу от 27 ноября—5 декабря 1811 г.; *Батюшков К. Н.* Нечто о поэте и поэзии. М.: Современник, 1985. С. 252). Ср. с известными строками из будетлянского стихотворения Д. Петровского «Установка»: «Мы суффиксы введем в глаголы, / В деепричастия предлог, / Дабы бы не могли монголы / Так скоро изучить наш слог» (*Петровский Д.* Галька. М.: Круг, 1927).

580 В одной из рабочих тетрадей Бродского (*Beinecke*) по памяти записаны отрывки из «Гусарской азбуки».

чтобы завтра взять с собой в Саут-Хедли. В понедельник начинался весенний семестр. Пожелав жене спокойной ночи, он сказал, что ему нужно еще поработать, и поднялся к себе в кабинет. Там она и обнаружила его утром – на полу. Он был полностью одет. На письменном столе рядом с очками лежала раскрытая книга – двуязычное издание греческих эпиграмм. В вестернах, любимых им за «мгновенную справедливость», о такой смерти говорят одобрительно: «He died with his boots on» («Умер в сапогах»). Сердце, по мнению медиков, остановилось внезапно.

Первоначально планировалось похоронить Бродского в Саут-Хедли. Он сам полагал, что там будет его могила. Но этот план по разным причинам пришлось отвергнуть. Из России от депутата Государственной думы Галины Старовойтовой пришла телеграмма с предложением перевезти тело поэта в Петербург и похоронить его на Васильевском острове, но это означало бы решить за Бродского вопрос о возвращении на родину. К тому же могила в Петербурге была бы труднодоступной для семьи. Да и не любил Бродский, возможно, как раз из-за его популярности, свое юношеское стихотворение со строками «На Васильевский остров / я приду умирать...». Вероника Шильц, многолетний ближайший друг и адресат нескольких стихотворений, и Бенедетта Кравери, которой посвящены «Римские элегии», договорились с властями Венеции о месте на старинном кладбище Сан-Микеле⁵⁸¹.

Бродского похоронили на протестантском участке кладбища, поскольку на католическом и православном не разрешается хоронить людей без вероисповедания. Небольшой участок напоминает сельский погост, но за кирпичной стеной плещутся волны венецианской лагуны. На скромном мраморном надгробии слова из элегии Проперция: *Letum non omnia finit*⁵⁸².

Сюзан Зонтаг заметила, что Венеция – идеальное место для могилы Бродского, поскольку Венеция нигде. «Нигде» – это тот же обратный адрес, который Бродский дает в начале одного из своих самых прекрасных лирических стихотворений: «Ниоткуда с любовью...».